

Переводы с испанского

Хорхе Луис Борхес
(1909-1986)

1891

Мне в памяти его не удержать.
Чуть разгляжу — и вновь его теряю:
в костюме черном — все, как у людей;
лоб невысокий; ниточка усов
да непременный шарф через плечо;
вот он идет сквозь праздную толпу,
прямой, сосредоточенный. На Пьедрас,
в пивной, что на углу, берет стакан
бразильской крепкой каньи — по привычке.
"Прощай, браток", — кричит ему прохожий;
молчит, не отвечает. А в глазах
устало стынет ненависть. Квартал,
еще квартал. Надрывная милонга
нахлынула из дворика волной;
гитара знай выматывает душу,
проклятая. Покачиваясь в такт,
он продолжает путь. Еще квартал,
другой. Привычно тянется рука
за пазуху, нащупывая сталь
кинжала под сукном жилета. Он
идет взыскать должок. Еще немного;
вот этот дом. Конец пути. Цветет
чертополох у входа. Изнутри
доносится упругий всплеск воды
под кромкою ведра; затем знакомый голос —
такой знакомый. Под рукой калитка
с готовностью, без скрипа поддается;
здесь, видно, ждали гостя. Этой ночью,
должно быть, наконец, его убьют.

Вот генерал Кирога едет на смерть в почтовом фургоне*

Облезлый сухой мадрехон**, один посреди пустыни;
Ему больше не хочется пить. Он вытерпел стужу и зной.
Светает. Стынет под бледной, окоченевшей луной
Поле — голодное, жалкое, как паучок в паутине.

Запряженный четвернею фургон трясет и качает;
Он взвизгивает на ухабах — огромный, траурный, жуткий;
Шесть душ, изглоданных страхом, в нем этот рассвет встречают
И одна шальная отвага — без сна которые сутки.

Фельдгегерь, два почтаря — пока еще не убиты;
Рядом — негр-ординарец. На смерть в почтовом фургоне —
Какая славная участь! В царство теней без свиты
Негоже являться Кироге. С ним отправятся люди и кони.

Врешь, не возьмешь меня, Кёрдова! Сброд, хвостуны, горлопаны
(Так размышлял Кирога); я еду своей дорогой.
Я — кол, что намертво впился
в тело пампы. Не вам, бесталанным,
Выдернуть этот кол. Не вам тягаться с Кирогой.

Мне ли — тому, кто пережил тысячу горьких дней,
От чьего негромкого имени копьё бросает в дрожь,
Взять и расстаться с жизнью среди этих стылых камней?
Ветер в степи бессмертен, не умирает нож.

Но только рассвет забрезжил там, над Барранка-Йяко,
Клинки сверкнули, и пуля легко отыскала цель,
И смерть, что одна на всех, кивнула ему из мрака,
И кто-то выдохнул, падая: "Будь проклят, Хуан Мануэль"***.

* Хуан Фаундо Кирога, легендарный аргентинский каудильо, убитый в 1835 году в результате заговора. Вместе с Кирогой, ехавшим в почтовом фургоне, погибло еще шестеро человек (ординарец, почтовые служащие).

** Мадрехон — название растения.

*** Хуан Мануэль — Хуан Мануэль Росас, тогдашний диктатор Аргентины, "заказчик" убийства Кироги.

Мертвый, уже бессмертный, уже лишь тень, он явился
В ему назначенный ад, откуда возврата нет,
Без опозданий и жалоб; и кровью тот путь сочился,
И души коней и всадников молча летели вослед.

* * *

Научись различать в монотонном гуле щелчок курка,
Тонкий посвист стрелы ушкуйника, лязг затвора,
Страстный шепот змеи. Смотришь — пасть перехода, очередь у ларька;
Оглянись — и увидишь: по снегу, по следу несется свора.

Торжествующий крик; треск сучьев, ломаемых на бегу.
В вышине жемчужно-серое небо, в глазах — кровавая муть;
Лай все ближе. Звонящий морозный воздух ножом раздирает грудь;
Визг одышливых гончих, хрип, возня на снегу:

Словом, в целом картина — что твой гобелен, где псы,
Егеря, зима, поселяне, часовенка вдалеке.
Гобелен не закончен. На левом запястье вяло вздрагивают часы;
Струйка крови доверчиво вниз бежит по твоей щеке,

Да надсадно плачет рожок: выноси, дружок.
Возникает из мрака рука, аккуратно наносит еще стежок.

Хулио Кортасар (1914-1984)

Happy New Year

Послушай, я немного прошу.
Пускай рука твоя в моей ладони
поспит, как жабий маленький детеныш,
такой счастливый. Как она нужна мне
теперь, твоя рука. Когда-то, помнишь,
рукопожатье открывало дверь
в твой тайный мир — округлое, как радость,
как маленький зеленый леденец.

Итак, ответь мне: неужели ты
не дашь руки мне в эту ночь, когда
кончается глухой свиный год?
Не можешь? По техническим причинам?..
Ну что ж. Тогда ее я нарисую,
из воздуха сотку твою ладонь,
на ощупь бархатистую, как персик,
и линии на ней, и каждый палец,
и карту вен — страну деревьев голубых
на тыльной стороне твоей ладони.
И вот она, твоя рука. Держу
ее в своей так бережно, как будто
от этого зависят судьбы мира,
весна, что каждый год сменяет зиму,
крик петуха и нежность человечья.

31.12.1951

Billet doux*

Я вчера получил его, это письмо
(между прочим, всем письмам письмо, вам не снились такие):
"это хуже всего — нестерпимый и горький разлад и т. д.,
прозябание без... и непонимание между..."
Здесь мне впору расплакаться — мы ведь действительно
любим друг друга,
просто наша любовь, торопясь, забежала куда-то вперед
и теперь сокрушается, бедная, сляясь руками закрыть пустоту —
там, где наши с тобою отсутствуют личные местоименья.
В общем, мы разминулись. А тут еще это письмо.

Что ж, придется ответить тебе, о сладчайшая тень:
я пишу эти строки, вокруг меня город попутных ветров;
рядом — дата: четвертое, месяц ноябрь на дворе,
век двадцатый (и вот уже пятидесятый кончается год).
Уж такое оно, это время. Навеки застряла луна,
как в капкане, в тисках календарной резьбы. Значит, так и
запишем: "Четвертое но..."

---

* Любовное письмо (франц.)

Нужно было так мало, но столько всего не сошлось:
не хватило размеренной поступи суток, цветка
на обочине; встречи нечаянной там-то и там-то.
Вот такие дела. Продолжение следует на обороте;
две страницы исписанных, две половинки листа,
словно аверс и реверс, ковер и его потайная изнанка,
как приход и уход.

(Кстати, в жизни моей я прошу никого не винить.)

Хосе ЙЕРРО (р. 1922)

Король Лир говорит

Скажи, что любишь. Прошепчи: "люблю";
впервые и в последний раз — навеки.
"Люблю тебя" — и все. Не говори,
насколько сильно; просто повтори:
"люблю тебя" — мне хватит этих слов.

("Сильнее, чем спасение души
моей", — сказала мне Регана. "Больше,
чем первое дыхание весны", —
отозвалась, помедлив, Гонерилья;
солгали обе — я не знал об этом).

Скажи "люблю", Корделия. Солги —
пускай не мне, самой себе солги.

Все растворилось в вязкой дымке сна —
ночное море; молнии, что гнали
на скалы бедный гибнущий корабль, —
все было не со мной, все было сном;
я сплю, но не приходит пробужденье.
И я живу во сне, дышу во сне,

запутавшийся в липкой паутине,
и вереском поросшие холмы
лежат кругом, и вечность впереди —
такой же сон, но только бесконечный.
Темно и пусто. Буря забрала
с собой Шута; он был товарищ мне,
был мной самим, жестоким отраженьем
в лукавом царстве выпуклых зеркал
и вогнутых — изобретеньи Валье-
Инклана. Руки волн меня несли
и, осерчав, ударили с размаху
меня о берег. А потом, очнувшись,
я увидел сокровища — на влажном
песке здесь столько было черепков,
осколков и причудливых камней,
и лошадиных ребер и хребтов,
обточенных зубами и когтями
морской травы!..

По памяти, на ощупь,
я выстроил утерянный свой мир —
слепил, согрел и жизнь в него вдохнул
под этим новым, незнакомым солнцем.
И вот он, наконец, передо мной;
я слышу, как он дышит тяжело,
упрямо, жадно, с клекотом надсадным
глотаю воздух; ждет, что ты придешь
и скажешь мне: "люблю". Вот здесь, взгляни,
храню я небеса других широт:
вот пепельный британский небосвод —
как перья вяхиря; вот провансальский кобальт;
Кастилия — индиго и лазурь;
одна лишь ты способна им вернуть
прозрачность их, сиянье, глубину,
дыхание и трепет. Поспеши,
они твои — и заждались тебя.

Скажи "люблю", Корделия. Скажи "люблю тебя" — те самые слова, что выпорхнули из лукавых уст Реганы с Гонерильей: "я люблю" (из уст, но не из сердца). А затем всех королевских рыцарей они стубили. Порожденье урагана, распутники, гуляки, драчуны — их приняла в объятья тишина небытия. В тумане растворились их шлемы, их чеканные щиты — орлы, химеры, лебеди, дельфины, единороги, грифы. Где теперь вы, рыцари мои? Во весь опор куда несут вас призрачные кони?

Приди. Я королевство отдаю, чтоб услышать, как хриплое "люблю" исторгнет твой кровотокащий рот. Спасение души моей — за три коротких слова. Прошепчи, пропой, пусть голос твой сольется с этим шумом земным — вода струится по камням, стрела со свистом рассекает воздух — и я поверю, будто ты и вправду их шепчешь мне — беззвучные слова, слова, которых ты не говорила, — зачем, зачем ты не сказала их! В иных пространствах, времени другом найдется точка; там они живут — немое колебанье, ультразвук, всхлип, судорога, волн короткий всплеск, — и, прежде чем уйти навек, я должен их выпустить на волю — не беда, что эхо этих слов умрет скорее, чем высохнет слезы случайный след на рукаве из выцветшего шелка.

Здесь тихо и покойно. Пятый акт
идет к концу. Раскрашенное небо,
картонный лес, фанерные холмы,
а вот и я свою играю роль —
старательно прикидываюсь спящим,
а сам все слышу. Мне уже не спутать
трель жаворонка с песней соловья.
Я здесь и жду тебя, — считая дни,
часы и годы. А когда придешь ты,
и егеря погибшие мои
вдруг разом затрубят в свои рожки,
приветствуя тебя — меня узнаешь
по золотой короне без камней
(их выклевали жадные сороки),
по деревянной выщербленной площадке —
Шут завещал ее мне, и теперь
дубы и клены щедро наполняют
ее своим багряным подаянием.

Приди скорей. Уже подходит срок.
Не приноси цветов — ведь я не умер.
Приди, пока меня не затянуло
в воронку сна. Приди сказать "люблю" —
и сразу исчезай. Беги скорей,
пока я не успел тебя увидеть
сквозь матовое тусклое стекло,
плывущую в дрожащих мутных водах;

пока я не успел сказать тебе:
"А, это ты. Не бойся, подойди
поближе. Знаешь, я тебя любил
так сильно, что уже не помню, кто ты".

Habana blues

Чешуя черепичных крыш остывает. Тут
День — как жидкое олово, ночь — отсыревший трут.
Влажно дышит в лицо сентябрь: ты не бойсь, не выдам;
Сгинешь зернышком риса в мешке — фиг тебя найдут.

И неровную кладку стены ощутив спиной,
Можно тихо следить, как из камня уходит зной,
Как смиряется пульс, и кончается век, и в кульке бумажном
Тает колотый лед, и волна идет за другой волной.

Опускается солнце над кладбищем замка Иф;
Пахнет йодом, как в ординаторской. Закусив
Губу, понимаешь: поздно. Но сотни бумажных лодок
Безрассудным ветром несет отсюда в залив.

Ты и рад бы податься, с волками по-волчьи выть,
Плавно двигаясь в такт — но к лицу ли такая прыть?
Зажигают свет, и кровавые губы валькирий
Отливают лиловым. Кажется, не доплыть.

Спи, красавица, в оловянном своем гробу.
Вся в цветах из фольги, с одинокой звездой во лбу;
Он не тронет тебя — слишком явно дрожат ресницы;
Да и то сказать, ни к чему искушать судьбу.

Суррогатный кофе, ударницы в бигуди
И солдатский жетон, как ладанка, на груди.
И упрямый, как боль, металлический вкус потери
(И еще много-много светлого впереди).

